

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ М.В. НЕЧКИНОЙ В 1917-1923 ГГ.

Ранняя биография М.В. Нечкиной изучена казанской исследовательницей А.Н. Гребенкиной. В ее диссертации (1992) освещена научная и педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 1920-х гг. В этот период решался ключевой вопрос в творческой судьбе М.В. Нечкиной – выбор профессии. Он отражен на страницах ее дневника, которым А.Н. Гребенкина не смогла воспользоваться – в то время, когда она писала диссертацию, доступ к личному фонду М.В. Нечкиной в архиве РАН был закрыт, а именно там хранится ее дневник. Поэтому вопрос о сомнениях и колебаниях М.В. Нечкиной в выборе профессии не был раскрыт исследовательницей. В 1917-1923 гг. М.В. Нечкина проявила глубокий исследовательский интерес не только к истории, но и к психологии. Стремление познать исторические законы через социологические учения было характерной чертой времени, и именно этим объясняется интерес молодой исследовательницы к психологии и психиатрии. В статье исследуются динамика научных интересов М.В. Нечкиной в 1917-1923 гг., причины ее увлечения психологией и естественными науками, их связь с историческим исследованием, а также условия и мотивы окончательного выбора профессии, который был сделан в 1923 г. В процессе выбора профессии совершалось становление научного мировоззрения начинающей исследовательницы. Оно складывалось под влиянием разных факторов: направления экономического материализма, научно-издательской политики новой власти, педагогической деятельности М.В. Нечкиной. Взаимовлияние этих факторов и роль психологии как одного из них анализируются автором статьи.

Ключевые слова: Казанский университет, выбор профессии, история, политэкономия, психология, психиатрия, гистология, естественные науки.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-76-85

Научные интересы М.В. Нечкиной в 1917–1923 гг. были разнообразны. Их круг весьма широк: политическая экономия, психология, историография. Многие отрасли гуманитарного знания волновали студентку М. Нечкину. Но «счастье научного творчества» она искала и находила также в естественных и точных науках. Физика и биология увлекали ее не меньше, чем история и психология. В период учебы в университете и последующие два года начинающая исследовательница колебалась в выборе профессии. История как специальность, избранная еще в гимназические годы, подвергалась Нечкиной сомнению. Ее научно-практические интересы выходили за рамки исторического знания. В исследованиях, посвященных М.В. Нечкиной, вопрос о ее колебаниях в выборе профессии, не затрагивался. Казанская исследовательница А.Н. Гребенкина в диссертации «Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 1920-х гг.» отметила, что М.В. Нечкина в студенческие годы «проявила себя личностью разносторонних интересов», увлекалась физикой, социологией, медициной, русской литературой, психологией. «Она целеустремленно искала свою отрасль избранной специальности, которая

определилась к третьему курсу» [1, с. 7]. Однако, драматизм, напряженность и динамизм этих поисков не были раскрыты в диссертации. Исследовательница из Новосибирска Е.Ю. Черная посвятила свой труд историографическому наследию М.В. Нечкиной. Узкая область исследования не позволила ей раскрыть глубину и богатство ранних творческих исканий М.В. Нечкиной, широту ее научных интересов [2, с. 16, 20-21]. Проследим их становление и развитие и выясним основные мировоззренческие итоги, к которым пришла М.В. Нечкина к середине 1920-х гг.

Первые сомнения в правильности выбора профессии возникли у М.В. Нечкиной еще в самом начале большого творческого пути. В апреле 1917 г. кончающая гимназию М.В. Нечкина решила поступать в Казанский университет. «Моя цель определена, - пишет она в дневнике, - изучение социальных наук». Но выбор будущей специальности для 18-летней девушки был труден. «На какой факультет» поступать? Прежде я не колебалась, - замечает Милица, - исторический, но... теперь нет». «Я хочу истинной науки, а история не есть таковая». Нечкина перебирает варианты: «Филологический? Меня интересует языкознание, но не настолько, чтобы я отдала ему

четыре года. Я хочу серьезно изучать психологию – основу всех социальных наук. Юридический? Не могу примириться с отсутствием психологии, логики, философии. Естественный? Нет, слишком далеко от социальных наук». На раздумья ушли два полных месяца. В июне М.В. Нечкина определилась. 25 июня она подала прошение ректору университета и через месяц, 28 июля, получила квитанцию на имя «студента 1-го семестра Милицы Нечкиной». Так вчерашняя гимназистка стала вольнослушательницей историко-филологического факультета Казанского университета. История восторжествовала в ее творческих поисках, но только на время [3, с. 83].

Учеба в университете на первых курсах давалась Нечкиной нелегко. Ей не хватало фактических знаний, опыта самостоятельной работы. «Чувствуешь, что ты бесконечно мало знаешь», - признавалась студентка. Она неутомимо трудится, много читает, занимается английским языком, переводит с латыни и греческого. Ей уже знакомо «счастье мысли, счастье научного творчества», ее «неустанные занятия в познании мира» ширятся. «Я хочу очень серьезно работать... Я полна жажды работы... В голове всё время рождаются темы для разных исследований и размышлений», - замечает Милица в дневнике. Оценивая перспективы личностного роста, она с тревогой и робкой надеждой пишет: «В душе ужасное сознание того, что сделанного до смешного мало, а сделать предстоит такую бездну, перед которой замирает дыхание». Постепенно Нечкина освоила специфику университетского обучения и уже на первом курсе избрала тематику для исследования. В ноябре 1917 г. она подготовила свой первый научный доклад, посвященный одному из аспектов «Конституции» Н. Муравьева. Свою работу она оценила как «наиболее крупную» из всех других самостоятельных сочинений. Доклад о Конституции Н. Муравьева Нечкина прочла, вероятно, в декабре 1917 г., а в следующем семестре, весной 1918 г. она пишет уже другой доклад – о «Русской Правде» Пестеля. Таким образом, весь первый курс студентка целенаправленно занималась изучением программных документов декабристов – Конституции Н. Муравьева и «Русской Правды» Пестеля. В итоге, в июне 1919 г.

Нечкина записала в дневнике, что знает о декабристах «больше того», что мог сообщить профессор П.Г. Архангельский, читавший курс русской историографии [4, с. 939, 949].

Второй курс университета внес существенные коррективы в занятия начинающей исследовательницы: ее творческий интерес сделал крутой поворот в сторону совсем другой науки – психологии. «Я хочу серьезно изучать психологию – основу всех социальных наук», - отметила Нечкина в дневнике еще в апреле 1917 г. Прошло два года, и в мае 1919 г. студентка слушала вступительную лекцию преподавателя К.И. Сотонина «о методах психологических исследований». Придя домой, она пометила в дневнике: «Очень интересно...». Через четыре дня, 16 мая, Нечкина «долго говорила с Сотониным о синестезии» - психологической способности человека к богатому и глубокому восприятию ощущений, на следующий день разговор зашел «об отличии субъективного от объективного и о методах истории и литературы», еще через день – «о музыке (отражение в ней темперамента)». 25 мая М.В. Нечкина прочла рукопись К.И. Сотонина «Темперамент и воспитание», и к этому сроку уже подготовила свой доклад о синестезии [5, с. 145-146]. Начиная с этого времени, интерес Нечкиной к проблемам психологии и психиатрии стал постоянным спутником ее духовной и интеллектуальной жизни.

Почва, на которой рождался этот интерес, была в начале 1920-х уже подготовлена. В России это было время неустанных поисков в области познания человеческой личности и ее психологии, а через нее – особенностей и закономерностей исторического процесса. Молодые ученые искали пути сближения психологии с науками о культуре и обществе. В Казани это были ученые-психологи А.Н. Васильев, К.И. Сотонин, А.Р. Лурия, П.И. Кругликов, врач-психиатр Г.Я. Трошин. Примечательно, что со всеми из них М.В. Нечкина поддерживала длительные деловые и дружеские отношения, часто обсуждала интересующие ее вопросы. Например, с П.И. Кругликовым М.В. Нечкина говорила в 1920 г. о «стихийности исторического процесса», «о марксизме, политической экономии, статистике, о том, как физиономистику сделать наукой... о чем только не говорили». С Г.Я.

Трошином – «о Болгарах, о музыке восточных народов, о психотехнике» и т.д. Для изучения психологии в Казани создавались научные общества и кружки. Один из них возглавил начинающий психолог А.Р. Лурия, который даже вступил в переписку с З. Фрейдом (в ответном письме Фрейд выразил удивление тем, что в далеком русском городе Казани интересуются его творчеством) [4, с. 962, 984, 997]. М.В. Нечкина знала о начинаниях А.Р. Лурия и поддерживала их. Она сама хотела постичь тайны психологии личности и объяснить с их помощью исторические и культурные явления.

В 1919–1923 гг. М.В. Нечкина не только читает психологическую литературу, но и посещает заседания Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете, регулярно бывает на лекциях невропатолога, психиатра и психолога Г.Я. Трошина, принимает активное участие в работе кружка по изучению З. Фрейда, «много просматривает» труды психолога и логика Г.И. Челпанова, посещает психоаналитический кружок по психологии одежды [6, 2004, № 11, с. 126; № 12, с. 116, 119; 2005, № 1, с. 119, 122, 129; № 2, с. 126]. Исследовательница проявляет интерес к таким проблемам психологии и психиатрии, как симптоматология истерии, психология памяти, внимания, творчества, неврастения, мания и меланхолия, паранойя, маниакально-депрессивный психоз и многие другие. М.В. Нечкина сама пишет и читает доклады на психологические темы, в особенности же ей интересна психология творчества и искусства [6, 2004, № 12, с. 118-120, 128-131; 2005, № 1, с. 113].

История и психология шли рука об руку и иногда близко соприкасались в творческих исканиях М.В. Нечкиной. В своем первом научном труде «Русская история в освещении экономического материализма» исследовательница поставила «вопрос о влиянии одного историка на другого и тесно связанный с ним вопрос о заимствовании». Этот вопрос, убеждена она, необходимо разрешить путем психологического изучения отдельного автора. «Вся историография, - пишет Нечкина, - русская или какая-либо иная – представляет собой сложную и непрерывную сеть влияний, заимствований, исправлений, новых

изобретений, отрицательных влияний – прямых и косвенных и т.д., т.е. представляет собой ряд фактов психологического порядка». Поэтому писать историю исторической мысли правильнее «с психологической точки зрения, обрисовывая связь между отдельными историками такую, какую она действительно была, - получится очень сложная и очень интересная картина. Жаль только, - заключает Нечкина, - что сейчас эта работа прямо невозможна, потому что мы не имеем твердой научной почвы для изучения вопроса о влияниях» [7, с. 20, 22].

Другой пример сплетения интересов – это исследование Нечкиной о Ключевском. В 1922-1923 гг. она изучала биографию и труды знаменитого русского историка и для «выяснения вопроса об "идеях" в его мирозерцании» прочла «много психологической литературы»: книгу французского психолога и психопатолога Т. Рибо «Эволюция общих идей», изданную в Киеве в 1898 г., труд российского психолога и философа, представителя ассоциативной психологии М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (М., 1883), работу немецкого психолога и философа, одного из основоположников экспериментальной психологии и этнопсихологии В. Вундта «Лекции о душе человека и животных» (СПб., 1894). Исследовательница была убеждена, что вопрос о складывании научного мировоззрения В.О. Ключевского лежит на стыке двух наук – психологии и истории. Иногда соседство двух наук – психологии и истории – оказывалось неожиданным и для самой М.В. Нечкиной. Вот ее запись в дневнике от 15 февраля 1923 г.: «Прочла статью Б.Л. Модзалевского "Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии", прямо потрясающая статья о душевной болезни Г. Батенькова». Исследовательница намеревалась дать эту статью психиатру М.Н. Андрееву, своему знакомому, «для психиатрического анализа диагноза» [5, с. 248]. Она исполнила свое намерение, но об ответе психиатра мы ничего не знаем. Увлечение вопросами психологии и психиатрии у М.В. Нечкиной было сильным. По записям дневника можно судить, насколько серьезными были ее колебания в окончательном выборе профессии - об этом она неустанно думала и днем, и ночью. В итоге 29 января 1923 г. Нечкина записала в дневнике: «Ночью (на 29-

е) очень мучилась избранной специальностью, надо бы психологию» [6, 2005, № 2, с. 126].

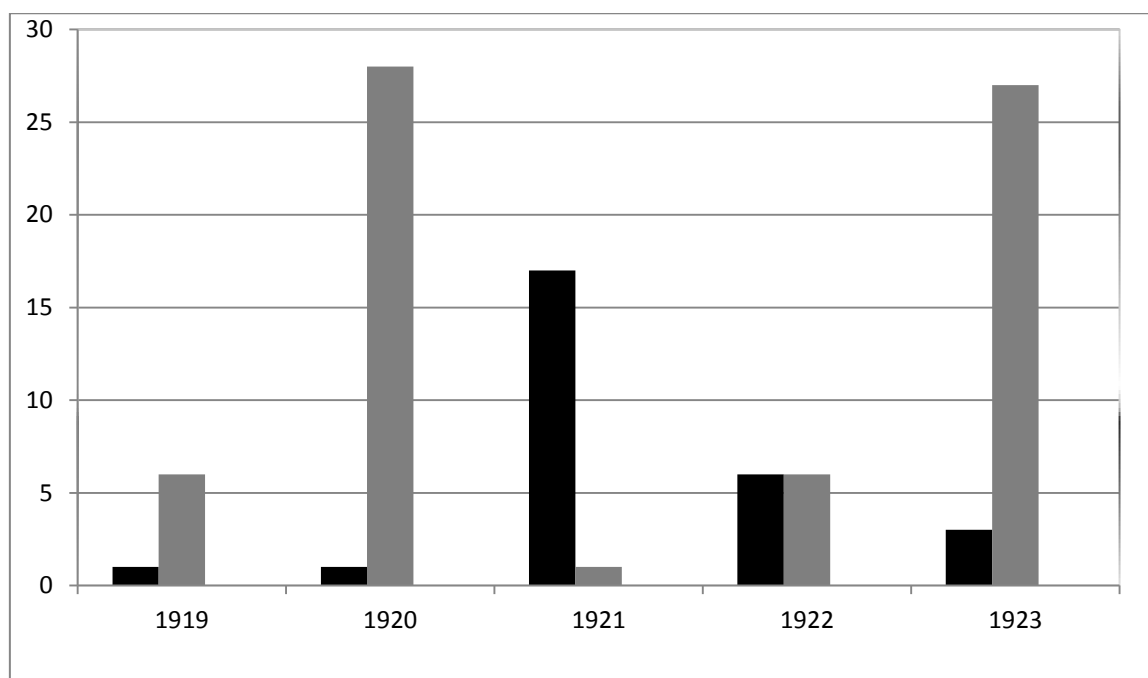
Здесь надо остановиться и немного сказать об изменении интересов М.В. Нечкиной на протяжении 1919–1923 гг. На протяжении указанного пятилетия соотношение внимания, уделяемого Нечкиной психологии и политэкономии (истории), менялось. В 1919 году Нечкина только заинтересовалась психологией и начала читать учебник по психиатрии немецкого автора Крафта-Эбинга, а книг и статей по политэкономии в том же году она прочла, как минимум, шесть. В 1920 году соотношение было таким: 1 учебник по психиатрии и 28 книг и статей по политэкономии. В следующем 1921 году соотношение почти зеркально изменилось: 1 труд по политэкономии и 17 лекций и докладов по вопросам психологии и психиатрии, прослушанных М.В. Нечкиной. В 1922 году соотношение было 6 к 6. Следующий 1923 год стал переломным: Нечкиной было прочитано, как минимум, 27 книг и статей по политэкономии и истории и только дважды Милица Васильевна появилась на собраниях психоаналитического кружка и один раз на собрании Общества психиатров.

Падение интереса М.В. Нечкиной к психологии связано с высылкой из России в 1922 г. профессора Г.Я. Трошина, лекции которого она посещала регулярно. В 1922 г. Г.Я. Трошин был дважды арестован и в конце года выслан из России, а 17 февраля 1924 г. М.В. Нечкина сделала последнюю в своем дневнике запись, свидетельствующую об ее интересе к психологии. Нельзя сказать, чтобы интерес М.В. Нечкиной к психологии был связан исключительно с профессором Г.Я. Трошиным, в которого девушка была влюблена [8, с. 92-93]. Нечкина стала интересоваться психологией в 1919 г., а посещать лекции Г.Я. Трошина – только в 1921 г. В 1922 г. Нечкина только дважды посетила лекции профессора Г.Я. Трошина, но зато прочла 6 книг по психологии и стала посещать психоаналитический кружок и кружок по изучению З. Фрейда [6, 2005, № 1, с. 113, 115, 119, 122, 124, 129]. Можно с уверенностью сказать, что

с увлечением психологией у Нечкиной была связана не только «личная история» (любовь к Г. Трошину), но и зарождающийся научный интерес [8, с. 92].

Этот интерес не был обособлен от других ее научных интересов, наоборот, - крепко увязан с ними. Психология изучалась М.В. Нечкиной не для того, чтобы просто познать тайны человеческого сознания, она нужна была исследовательнице для проникновения вглубь исторического процесса. Изучая в 1920 г. русскую материалистическую историографию, Нечкина столкнулась с проблемой понять сам процесс мышления ученого – как он заимствует идеи, как понимает и развивает их. В итоге она пришла к выводу: «Духовная культура – наиболее сложное из исторических явлений, результат многочисленных и разнообразных влияний». Но как изучить эти влияния? «Человеческая психика слишком сложна и темна, для научных исследований о психологии влияния наука сделала пока очень мало», - таким неутешительным было заключение исследовательницы [7, с. 18]. Но Нечкина не отказалась от попыток научного понимания духовных или по-другому – психологических явлений. Об этом говорит красноречивый факт – наибольший интерес ее к психологии приходится на 1921 г. В 1920 г. Нечкина закончила свой историографический труд, а в следующем году, чтобы понять психологические основания научного творчества, она с головой ушла в изучение психологической литературы. Таким сильным было желание начинающей исследовательницы познать глубинные основы человеческой деятельности.

Итак, в 1920 – 1921 гг. можно было наблюдать метания М.В. Нечкиной между психологией и политэкономией, в 1922 году интересы будущего историка пришли в равновесие, а в 1923 году произошел решительный поворот в сторону политэкономии (истории). Нечкина сама признает, что летом и в начале осени 1923 года занималась «исключительно – различными вопросами марксизма» [6, 2005, № 2, с. 129].

На данной диаграмме показано изменение интересов М.В. Нечкиной за 1919-1923 гг., черный цвет – психология, серый – история. Естественно, у М.В. Нечкиной были и другие интересы, но здесь рассматриваются только психология-психиатрия и политэкономия-марксизм (история).

1923 год можно считать переломным в складывании научных интересов исследовательницы: круг ее интересов ограничивается почти исключительно вопросами политэкономии и марксизма. Нечкина продолжает интересоваться психологией, но этот интерес быстро сходит на нет. Последняя запись, свидетельствующая об ее интересе к психологии, сделана Нечкиной 17 февраля 1924 года. Таким образом, к февралю 1924 года М.В. Нечкина окончательно определилась с будущей профессией – ей стала история, а психология отошла в прошлое.

В 1920-1923 гг. Нечкина пишет и издает свой первый научный труд – «Русскую историю в освещении экономического материализма», начинает работу о Ключевском, а также посещает лекции зоолога Н. Ливанова, генетика Б.Н. Вишневого, гистолога А.Н. Миславского. Она глубоко и живо увлечена вопросами биологии и медицины. 18 января 1923 г. Нечкина была на докладе гистолога Б.И. Лаврентьева, посвященном 1-му съезду анатомов, гистологов и зоологов, проходившему в Петрограде в декабре 1922 г. «Прямо захватывающе интересно, - замечает она в дневнике. - Придя домой, записала то, что запомнилось из доклада. Начала читать (под влиянием доклада) книжку проф. Л.С. Берга

"Борьба за существование и взаимная помощь"». Мы видим, насколько увлеченно Нечкина вникает в другие науки, далекие от истории. «Прямо не могу жить без естественных наук», - признается она [5, с. 244-245].

В январе 1923 г. Нечкина прочла книгу В.И. Вернадского «Начало и вечность жизни», изданную недавно – в 1922 г. в Петрограде. Труд известного ученого произвел на исследовательницу сильное впечатление: «Замечательная книга! Очень много дала. Многочисленный материал по психологии научного творчества, вполне согласующийся с моими мыслями о биологическом значении психики, об индивидуальной, творимой среде, среда есть психологическое понятие...» [5, с. 245, 609]. В этих строках молодого начинающего ученого нетрудно заметить стремление к синтезу научного знания – сближению гуманитарных и естественных наук. Нечкина искала пути этого сближения, размышляла «по поводу перенесения в наши (гуманитарные – авт.) науки метода естественных наук». Больше того – начинающая исследовательница напряженно думала о применении «психологического анализа» в познании исторических явлений. Эти поиски научного метода – совсем не случайное явление в ранней творческой биографии М.В. Нечкиной. С 1919 г. она

испытывала глубокие сомнения в истинности известных ей научных методов, критиковала их формализм. Исследовательница была убеждена, что старые методы «не доведут до истины». 6 ноября 1919 г. она записала в дневник: «Прямо тоска по методу поднимается в душе. И главное не по тому методу, который дается профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказывать противоположное. Я всё это еще очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого...» [4, с. 953]. Именно неудовлетворенность известными научно-историческими методами побуждала Нечкину проникновенно изучать другие науки – биологию и психологию, и в них искать истинно-научные методы, как она полагала.

М.В. Нечкина оставила в дневнике совсем немного высказываний оценочного характера. Ее дневник скуп в этом отношении. Те немногие оценочные высказывания исследовательницы, которые он содержит, отличаются краткостью и эмоциональностью. Проанализируем их. 22 декабря 1922 г. М.В. Нечкина прочла отдел о государстве в «Справочной книжке марксиста» и «вообще просмотрела всю книгу», автором которой был историк и архивист Е.И. Чернышев. После прочтения исследовательница сделала в дневнике запись: «Боже, до чего убого в науке всё то, что исходит от марксизма!». Через полтора месяца, вечером 5 февраля 1923 г. Нечкина прочла январский номер «Известий Социалистической академии» за 1923 г. «Очень тяжелое впечатление», - пометила она в дневнике. Спустя восемь дней, 13 февраля, Нечкина «читала за полночь» четвертый номер «Красной нови» - «толстого» научно-публицистического журнала. После прочтения она вновь обратилась к дневнику и в полуночном одиночестве писала: «Снова мои марксистские муки». Нетрудно заметить, что приведенные высказывания усердной и увлеченной читательницы все несут эмоциональный оттенок – Нечкина сама говорит о «впечатлении» от прочитанного. Тем не менее, движения ее пера ясно выразили мысль о неудовлетворенности исследовательницей марксистским методом. За очень короткий период – полтора месяца – Нечкина трижды повторила эту мысль.

Прошло семь месяцев, и 8 сентября

1923 г. Нечкина прочла часть «Введения к критике политической экономии» К. Маркса. «Особое внимание» она обратила «на теорию единства производства и потребления, и на страницы об искусстве». «Последние очень понравились», - признавалась Нечкина. Они вызвали в ней «много сомнений» и в них исследовательница нашла много своих мыслей. Дневниковая запись заканчивалась восклицанием, которое вновь напоминало об эмоциональном отношении Нечкиной к прочитанному. 19 сентября еще одна эмоциональная запись: «Я Ленина люблю...». 22 сентября Нечкина завершила чтение труда Ленина «Государство и революция», затем конспектировала его, «делала заметки». Конспект этот сохранился и в нем можно прочесть такие строки: «Очень нравится Ленин как ученый: из всех марксистских русских теоретиков люблю: Ленина, Покровского...» [6, 2005, № 1, с. 127; № 2, с. 126, 127, 135, 136, 147].

Суммируем высказывания М.В. Нечкиной и определим их значение. Первая группа высказываний относится к декабрю 1922 – февралю 1923 гг. и содержит отрицательные отзывы исследовательницы о «Справочной книжке марксиста» и о содержании советских журналов – «Известий Социалистической академии» и «Красной нови». Эти издания произвели на Нечкину «тяжелое впечатление», выявили свое научное «убожество» в ее глазах. Материал изданий, особенно «Справочной книжки марксиста», действительно представлял собой низкокачественный в научном и художественном отношении труд. Это были пропагандистские очерки, политизированные статьи, исследования, в которых применялся крайне упрощенный подход к историческим явлениям и процессам. Такой подход вызвал у Нечкиной решительный протест. Наоборот, фундаментальные и глубокомысленные сочинения классиков марксизма – Маркса, Ленина, Покровского, - которые Нечкина прочла всего семь месяцев спустя, в сентябре 1923 г., вызвали в ней чувства восхищения и «любви», но также сомнения – неизбежные в научном поиске, и «много мыслей». Марксистская теория в трудах Ленина и Покровского предстала перед исследовательницей в своем лучшем виде.

Теперь закономерно поставить вопрос о

причинах сделанного М.В. Нечкиной профессионального выбора между психологией и политэкономией (историей). Можно назвать три причины. Выбор был сделан в 1923 году. В этом году Нечкина много и регулярно читает советские литературно-художественные и научно-публицистические журналы: «Красная новь», «Печать и революция», «Под знаменем марксизма». Эти журналы она берет в библиотеке Коммунистического клуба. В том же Коммунистическом клубе начинающая исследовательница просматривает «много *новой партийной литературы*» [6, 2005, № 2, с. 136]. Помимо этого, с 1923 года М.В. Нечкина почти полностью погружается в чтение политэкономической литературы и сама читает лекции на политэкономические темы (на рабфаке Казанского университета). Начинаящий ученый неоднократно перечитывает «Капитал» К. Маркса и «Коммунистический манифест». Какие взгляды могли сформироваться у исследователя после добросовестного ознакомления с таким внушительным объемом однотипной по содержанию литературы?

Итак, первая причина выбора, сделанного Нечкиной в 1923 г. - это обилие литературы политэкономического содержания, вышедшей в свет после 1917 года. Печатный станок страны Советов работал в 1917–1923 гг. без простоев: из 16 книг, прочтенных Нечкиной в 1923 году, как минимум, 7 были изданы после 1917 года, и только одна вышла в свет в 1912 г. Причем подавляющее большинство этой литературы увидело свет в 1922–1923 гг. и имело низкого качества характер. Это были брошюры и очерки пропагандистского характера. Нечкина хорошо понимала низкую научную ценность этих произведений. В своем первом научном труде «Русская история в освещении экономического материализма», изданном в 1922 г., она отметила, что у «последователей теории экономического материализма очень много коротеньких брошюр, написанных иногда просто с просветительной, а чаще прямо с агитационной целью». «Материал этот, - уточняла Нечкина, - обоюдоострый: с одной стороны приходится учитывать упрощенность в изложении многих взглядов, несомненно их уродующую, а с другой стороны, можно встре-

тить какое-либо яркое замечание, не входящее в обширные исследования» [7, с. 14].

На складывание мировоззрения молодой исследовательницы оказывает влияние не только выход в свет в конце 1910-х – начале 1920-х гг. большого количества литературы политэкономического содержания. С 1922 г. Агитпром и Главлит начинают запрещать ввоз в страну экономической литературы антимарксистского содержания, а также литературы по вопросам философии и социологии явно идеалистического направления. Под запрет попали книги Б.В. Станкевича о 1917 г., П.Н. Миллюкова, Г.К. Гинса о Колчаке, немецкого экономиста Л. Brentano «Зачинщики мировой войны», воспоминания М.В. Родзянко. Были запрещены источники не только по российской истории, но и по истории европейских революций. Даже книги, отвечавшие материалистическому пониманию истории, выходили сокращенными (например, «История Западной Европы в средние века» Р.Ю. Виппера) [9, с. 22-24]. Из дневника М.В. Нечкиной можно узнать, в 1919–1923 гг. она читала таких авторов, как Виппер, Миллюков, Brentano. Особенно много она читала Миллюкова, а книгу Виппера «Очерки теории исторического познания» Нечкина назвала «великолепной вещью». Таким образом, цензурные запреты, начавшись в 1922 г., напрямую затронули сферу научных и литературных интересов начинающего историка.

Вторая причина профессионального выбора Нечкиной связана с первой: в начале 1920-х гг. в советской России выходило много марксистской литературы и почти не выпускалась литература по вопросам психологии и психиатрии. Из 8-и книг по психологии и психиатрии, прочтенных Нечкиной за 1919–1923 гг., только одна вышла в свет после 1917 года. В дневнике Нечкина выразила свою неудовлетворенность тогдашним состоянием отечественной психологии. Об одном из ее направлений, возглавляемом психологом и логиком Г.И. Челпановым, она отметила: «...челпановское направление не нравится – психология да еще экспериментальная без физиологии!» [6, 2005, № 2, с. 126]. Ознакомиться же с другими направлениями психологии Нечкина просто не могла. Она искала новые методы и новые подходы к изучению психологических явлений, ее как ученого не устраивала не только экспериментальная психология. В 1924 г., присутствуя

на конференции в Московском Психологическом институте и слушая доклад психолога П.П. Блонского «Метод самонаблюдения и психология поведения», Нечкина заметила: основная мысль Блонского – «критика метода самонаблюдения. Этот метод – формальное развитие психологии. Необходимо от него отказаться» [5, с. 617]. Исследовательница стремилась к синтезу знаний и опыта психологии и физиологии, человеческая психика, по ее мнению, имеет, прежде всего, «биологическое значение». Понятно, что уровень развития психологии и психиатрии, которого данная наука достигла в СССР к середине 1920-х гг., не мог подвинуть молодого ученого на увлеченные и плодотворные творческие поиски.

Наконец, третья причина – это педагогическая деятельность Милицы Васильевны. С 1921 г. она преподавала в Художественных мастерских Казани, с 1923 г. – на рабфаке Казанского университета и в Политехническом институте. Нечкина читала курсы по социологии искусства, истории литературы, историческому материализму, политической экономии. Подготавливаясь к лекциям, она много и внимательно читает труды историков и экономистов, большинство из которых развивали политэкономические, точнее – марксистские и близкие к марксизму взгляды. Конечно, среди книг, оказавшихся на письменном столе молодого историка в 1923-1924 гг., были и такие, как например В.И. Вернадский «Начало и вечность жизни», или Г. Шпет «Очерк развития русской философии» и даже (!) А. Эйнштейн «О специальной и общей теории относительности». Но эти сочинения оказывались на обочине научных интересов исследовательницы, они появлялись в ее руках по разным причинам: по необходимости ознакомиться с работой для того, чтобы написать на нее рецензию (в случае с книгой философа Шпета), как проявление широты интересов молодого ученого (в случае с двумя другими трудами). Мировоззрение Нечкиной складывалось в 1922-1923 гг. на основе ее научно-педагогического опыта. Исследовательница писала работу о Ключевском и вела курсы политической экономии. И то, и другое мощным каждодневным потоком обрушивало на нее литературу известного содержания. Это были труды классиков и теоретиков марксизма, историков материалистического

направления и экономистов умеренного и радикального марксистского толка.

Психология не стала жизненным призванием М.В. Нечкиной, но оставила глубокий след в ее научном наследии. Художественное восприятие и психологически тонкие наблюдения помогали исследовательнице создавать яркие портретные характеристики, точно передавать драматизм описываемого исторического события, глубоко осмысливать личностный аспект в биографиях своих героев. Психологические опыты способствовали складыванию художественного стиля научных произведений исследовательницы. Ведь Нечкина была убеждена, что «художественное изложение полностью соответствует глубоким психологическим законам» и поэтому изучать их необходимо [10, с. 33]. Историографические исследования также испытали на себе влияние «нечкинской психики» (выражение В.К. Яцунского): исследовательница считала, что «понять историка и его творчество можно при одном непрременном условии: анализировать как объективные, так и субъективные моменты его биографии, вплоть до его чувств, личных привязанностей, особенностей его психологического склада» [11, с. 160-161]. Яркий пример психологически тонкого и красочно-художественного изложения в трудах М.В. Нечкиной – это ее монография о Ключевском. Описывая внешность и характер историка в студенческие годы, Нечкина отмечала: «По переписке с товарищами и сохранившимся фотографиям можно представить себе общий облик скромного студента с живыми, пронизательными и даже "пронзительными" черными глазами... Сказалось непрерывное чтение и писание – с первого курса университета "на носу явились очки". <...> Как пишет сам, студентом он курил ("валялся на диване с папироской, созерцая темный потолок и помышляя о делах человеческих"). Уже в студенческие годы Ключевский – "охотник до красного словца" и замечает, что его "не даром считают хитрым". Но любит дружить с прямыми и открытыми натурами, "потому что сам чувствую в своей натуре большой недостаток этой прямоты душевной и бесцеремонности". Скептичен, насмешлив, считает, что в жизни нет трагедии без комедии...». Характер Ключевского в зрелые и поздние годы его жизни Нечкина наметила такими штрихами: «Давно мог бы он гордо нести свою

славу, чувствовать себя знаменитым, любимым, незаменимым, но нет и тени высокой самооценки в его поведении, даже напротив подчеркнутое игнорирование славы. От аплодисментов он "хмуро и досадливо отмахивался". Знаменитый профессор, давно уже не стесненный нехваткой денег, ходил в "старенькой, поношенной до предела шубе". "Что же шубы-то новой, Василий Осипович, себе не заведете? Вон потерялась вся", - замечали приятели. "По роже и шуба", - лаконично отвечал Ключевский. Он не любил обязательного синего вицмундира с золотыми пуговицами, в котором вынужден был всё же в иные университетские годы, согласно требованиям начальства, появляться на лекциях; он с пренебрежением относился к этому "форменному фраку", его тяготившему. Когда сослуживцы по-приятельски

указывали ему на "пыльные пятна" на этом фраке, Ключевский стрелял в них изречением: "И на солнце не без пятен"» [12, с. 122-123, 317]. Психологизм исследования отражает особенности исторического источника, его богатство и многоликость.

Заклучая, можно сказать, что к началу 1924 г. завершился первый этап складывания научного мировоззрения М.В. Нечкиной. Основной его итог – противоречие между материалистическим пониманием истории, крепко усвоенным Нечкиной, и упрощенным, однобоким марксистским подходом ко многим историческим явлениям и процессам, который уже выявил себя в отечественной исторической мысли и который вызвал явное неприятие исследовательницы.

Список литературы

1. Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период) / Автореф. канд. дисс. Казань. 1992.
2. Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки / Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 2014.
3. «Когда я буду "великим человеком"... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 1997, № 5.
4. «Заря жизни». Из казанских дневников М.В. Нечкиной (1917-1924 гг.) Публ., вступ. ст. и коммент. А.Н. Бикташевой / В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011.
5. «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М., 2013.
6. Дневники академика М.В. Нечкиной / вступ. ст. и коммент. Е.Р. Кураповой // Вопросы истории. 2004, № 11, 12; 2005, № 1, 2.
7. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань: Госиздат, 1922.
8. «Очень много дел...» Из «деловых дневников» 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 2004. № 6.
9. Зеленов М.В. Главлит и историческая наука в 20 – 30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3.
10. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. Сб. работ. М., 1982.
11. Вандалковская М.Г. Высокое служение богине Истории. К столетию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник Российской академии наук, 2001. Том 71. № 2.
12. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

THE DIFFICULTY OF CHOOSING A PROFESSION: THE CREATIVE QUEST OF M.V. NECHKINA IN 1917-1923.

Early biography of M.V. Nechkina studied the Kazan scholar A.N. Grebenkina. Her dissertation (1992) highlights the scientific and pedagogical activities of M.V. Nechkina in the early 1920s. This period was decided the key issue in the creative fate of M. V. Nechkina, the choice of a profession. It is reflected in the pages of her diary, which A.N. Grebenkina could not use – at the time when she wrote her thesis, access to The personal Fund of M.V. Nechkina in the archive of the RAS was closed, and it is there that her diary is kept. Therefore, the question about doubt and oscillations M.V. Nechkina in the choice of profession was not disclosed by the researcher. In 1917-1923 M.V. Nechkina showed a deep research interest not only in history, but also in psychology. The desire to learn historical laws through sociological

teachings was a characteristic feature of the time, and this explains the interest of the young researcher in psychology and psychiatry. The article examines the dynamics of scientific interests of M.V. Nechkina in 1917-1923, the reasons for her passion for psychology and natural Sciences, as well as the conditions and motives of the final choice of profession, which was made in 1923. In the process of choosing a profession, the formation of the scientific Outlook of the beginning researcher was made. It was formed under the influence of various factors: directions of economic materialism, scientific-publishing policy of the new government, pedagogical activity of M.V. Nechkina. The author analyzes the mutual influence of these factors and the role of psychology as one of them.

Keywords: Kazan University, profession choice, history, political economy, psychology, psychiatry, histology, natural Sciences.

References

1. Grebenkina A.N. (1992) Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M.V. Nechkinoy v nachale 20-h godov (Kazanskiy period) [Scientific and pedagogical activity of M.V. Nechkina in the early 20s (Kazan period)] / Avtoreferat kand. diss. Kazan.
2. Chernaya E.Y. (2014) Milica Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoy istoricheskoy nauri [Milica Vasilevna Nechkina – historian of Russian historical science] / Avtoreferat kand. diss. Novosibirsk.
3. "Kogda ya budu "velikim chelovekom" ochen' prigodyatsya moi tetradi" (Iz lichnykh dnevnikov akademika M.V. Nechkinoy) ["If I be "a great man"... very useful for my notebooks..." (From personal diary of the academician M.V. Nechkina)] / Publ. podg. E.R. Kurapova / Otechestvennye arhivy [Native archives]. 1997, № 5.
4. «Zarya zhizni» Iz kazanskih dnevnikov M.V. Nechkinoy (1917-1924) [Dawn of life. Kazan diaries of M.V. Nechkina (1917-1924)], Publ. and comments. A.N. Biktasheva/ In the book.: History in man. Academician M.V. Nechkina / edited by E.L. Rudnitskaya, S.V. Mironenko. M., 2011.
5. «...I muchilas' i rabotala neveroyatno». Dnevniki M.V. Nechkinoy [«...And worry and work incredible». Diaries of M.V. Nechkina] / Pod red. E.R. Kurapovoy. M., 2013.
6. Dnevniki akademika M.V. Nechkinoy [Diary of the academician M.V. Nechkina]/ ed. by E.R. Kurapova // Voprosy istorii [Questions of history]. 2004, № 11, 12; 2005, № 1, 2.
7. Nechkina M.V. (1922) Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma [Russian history in the coverage of economic materialism]. Kazan.
8. «Ochen' mnogo del». Iz «delovykh dnevnikov» 1922-1923 godov akademika M.V. Nechkinoy ["A lot of cases...". From the "business diaries" 1922-1923 academician M.V. Nechkina] / Publ. prep. E. R. Kurapova / Otechestvennye arhivy [Native archives]. 2004. № 6.
9. Zelenov M.V. Glavlit i istoricheskaya nauka 20-30-h godov [Glavlit and historical science in the 20-30s] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1997. № 3.
10. Nechkina M.V. (1982) Funktsiya hudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse [Function of the artistic image in the historical process]. Moscow.
11. Vandalkovskaya M.G. (2001) Vysokoe sluzhenie bogine Istorii. K stoletiu so dnya rozhdeniya akademika M.V. Nechkinoy [High service to the goddess of History. To the centenary from the birth of academician M.V. Nechkina] // Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences] 2001. Volume 71. № 2.
12. Nechkina M.V. (1974) Vasiliy Osipovich Kluchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva [Vasily Kliuchevsky. The history of life and creativity]. Moscow.

Об авторе

Исмаилова Зулехя Адил-кызы – аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru